

Мэри
Соттер

Предпоследнее Желание

Мэри Соммер

Предпоследнее желание

<https://litres.ru/74584522>

SelfPub; 2026

Аннотация

На ярмарке чудесников Лора покупает пойманное в бутылку отражение звезды. Но звезда — его зовут Данте — оказывается настоящей: шутит, вредничает, обладает завидным аппетитом и исполняет желания.

На дирижабле перелететь океан? Запросто.

А можно на ките? Пожалуйста!

Но у всякой магии есть цена. За Данте охотятся его бывшие хозяева, а каждое исполненное желание отнимает частичку его света. Что случится со звездой, когда она погаснет?

И что делать Лоре со своими чувствами, если звёзды любят только один раз — а свою единственную попытку Данте потратил триста лет назад?

Содержание

Глава 1 — в которой во всём виноват кот	4
Глава 2 — в которой герои принимают непростые решения	39
Глава 3 — в которой Лора не загадывает желание	60
Глава 4 — в которой появляются и исчезают всякие титулованные особы	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Мэри Соммер

Предпоследнее желание

Глава 1 — в которой во всём виноват кот

Тук-тук, тук-тук.

Каблуки старых тётушкиных туфель стучали по мостовой.

Ночью прошёл ливень. В серых камешках, отполированных водой и морскими ветрами, отражались фонари. Один за другим они гасли, уступая рассвету.

Туки-туки... тук.

Лора поскользнулась. Левая туфля (они были велики на два размера) ускакала бы в сточную канаву, чтобы лодочкой уплыть к морю — и в дальние страны, *мечтательница*... Если бы её не держали набитые внутрь дополнительные чулки. — Я успею!

Подхватив мокрый подол юбки, Лора побежала быстрее. Её преследовали: первый рассеянный свет, дымка тумана, домашние дела. А на набережной уже затихали ярмарочные колокольчики. Вот-вот взойдёт солнце, и чудесники из-за горизонта на целый год разберут свои яркие шатры.

Конец улицы. Часовая башня. Мяukнув, дорогу Лоре пе-

ребежал белый кот. На удачу!

Дорога взяла уклон вниз. Стёртыми подошвами по мокрому камешкам Лора больше скользила, чем бежала. Она не боялась снова упасть. Она боялась не успеть, ведь новый шанс загадать желание представится только через год.

Лора выскочила на пляж. В нос ей ударил запах водорослей, яблочного сидра и медовых пончиков. На миг она зажмурилась. Жители шумных городов любят прижимать к уху витые раковины, чтобы слышать море. На побережье, на границе суши и бесконечного водного зеркала, море слышно всегда.

Волосы путает ветер. Чайки кричат, охотясь за сдобными крошками. Мелкая галька перекачивается, хрустит под ногами... и шум. Даже в полный штиль море дышит. Стучит его огромное подводное сердце.

— Ну и чего мы тут стоим-мечтаем, чаек считаем?

Какой-то рыбак с сетью на одном плече и дурным настроением на другом решил пройти именно в том месте, где Лора имела неосторожность остановиться.

— Простите. — Она отскочила.

Солнце уже расплескало янтарь по линии горизонта. У кромки воды то уплывали, то выкатывались на берег праздничные ленты, цветы и промокшие бумажные фонарики. Закончилась последняя ночь лета, а вместе с ней и ярмарка.

Истратив все силы, и скорость, и веру, Лора медленно брела вдоль берега. Вокруг суетились припозднившиеся торгов-

цы, разбирали шатры и раскладывали товары по ящикам, чтобы отправиться с ними в другие города. Никто не обращал внимания на девушку в старомодной блузке, с туго стянутыми в узел волосами — чёрными как уголь, чёрными как ложь. Заработали достаточно? Или Лора не производила впечатления выгодного покупателя?

— Простите, а у вас не осталось звезды? — бормотала она себе под нос.

Хотя бы самой маленькой и тусклой.

Вряд ли, звёзды раскупали быстрее всего, часто ещё до полуночи. И всё же Лора мчалась через весь город в надежде поймать одну за хвост.

— Скажите, вдруг у вас закатилась под прилавок бутылка со звездой?

Лора разговаривала сама с собой, поэтому подпрыгнула от неожиданности, когда ей ответили.

— Закатилась, а ты откуда знаешь?

Почти в самом конце пляжа, у старого покосившегося пирса, остался последний шатёр. Разукрашенный в цвета неба, он явно прятался, чтобы простоять тут до следующего года. У прилавка ждал мужчина. Ха, вот уж кто нелепо наряжался!

Строгий сюртук с лацканами, отглаженные брюки, из-под которых торчали остроносые — точно мордочки ежей — мокасины. Седую голову венчала выцветшая, некогда алая феска с кисточкой. Мужчина был таким высоким и узкоплечим,

будто кто-то ухватился за эту кисточку и вытянул его вверх. Несмотря на седину, старым он не был. Сеточка морщин только в уголках глаз и губ — от лукавых улыбок. А под острым носом — чёрные усы, тонкие и экстравагантно закрученные.

Таких заморских гостей Лора ещё не встречала. Он не был похож ни на моряка, ни на прядильщика, ни на стеклодува.

— Ты пришла купить звезду, девочка? — Чудесник подкрутил ус. — Тебе повезло, у меня последняя осталась.

Прежде чем Лора успела кивнуть, он достал из-под прилавка бутылку... небольшую, тусклую, с мутным стеклом и неровным горлышком. Свет изнутри едва пробивался сквозь налёт времени и пыли.

— Вот это?.. — протянула Лора с сомнением.

Бутылка выглядела как забытый в сыром подвале портвейн. Лет сто назад.

— Не хочешь?

Ловкие тонкие пальцы, какие бывают у фокусников и карманных воришек, сомкнулись вокруг горлышка. Огонёк внутри пульсировал.

— Хочу.

— Семьдесят франков.

Лора заозиралась с глупой надеждой, что у неё за спиной вырастет другой шатёр — и другой добрый чудесник без хитрых усов предложит ей самую яркую звезду... франков эдак... за двадцать пять. Но на пляже почти никого не оста-

лось.

— Пятьдесят, — выпалила она, приосанившись.

— Шестьдесят пять. — Торговец облокотился на прилавок — хватка стала крепче, аж костяшки побелели.

— Пятьдесят пять.

— Шестьдесят.

— Нет. Пятьдесят пять.

В кармане у Лоры было пятьдесят шесть франков, которые она откладывала полгода. Если сойдутся на этой цене, у неё останется целый один. А ещё звезда с сомнительным волшебным потенциалом.

Главное, не выдать себя. Лора вплотную подошла к прилавку. Она вспомнила и попыталась изобразить лицо тётушки, когда та произносила: «нет, Лорелея, ты не пойдёшь на танцы». Глаза чуть сощурены, брови в форме крыльев чайки, подбородок поджат. У тётушки ещё раздувалась правая ноздря, но Лора так не умела.

— Идёт! — Чудесник расплылся в улыбке, но бутылку пока не отпустил. Он выставил вторую руку ладонью вверх.

Что ж... Лора отвязала с пояса потёртый кожаный кошелек и отсчитала сорок медных монет. Ещё десять позвякивали в потайном кармане юбки. В манжетах блузки прятались остальные.

Чудесник не пересчитывал, определил по весу. Его сложенная ладонь — как нагруженный сокровищами корабль — уплыла под прилавок.

А Лора наконец взяла бутылку.

Стекло было тёплым и шершавым; огонёк внутри замер, притаился. Больше Лора ничего не заметила и не почувствовала. Обычный фонарь, какие стоят вдоль дороги, только очень дорогой. В такие моменты люди часто себя ругают: сожалеют об импульсивно принятых решениях и представляют страшные их последствия.

Лорелея Верлен так не умела. В палитре её воображения были только светлые краски — чтобы рисовать лавандовые облака и летающих китов. И живой ветер, и говорящие деревья, и долгожданные встречи, и будущее, которое только счастливое.

Прижав бутылку к груди, Лора побежала домой. Обернувшись, она увидела бы, что шатёр — вместе с чудесником и её последними деньгами — исчез.

— На самом северном берегу, где отвесный утёс тянется к небу, чтобы коснуться пурпурной звезды, растёт серебристый лён. В тех краях нет фонарей, потому что бескрайние поля сияют ярче луны. Урожай собирают осенью, перед первыми ночными заморозками. Высушенные стебли отдают в мастерские под открытым небом: там прядильщики плетут сети. В штиль, когда вода гладкая, точно зеркало, моряки выходят на парусных лодках и ловят в сети отражения звёзд.

Они плывут очень осторожно, чтобы не испугать, не расплескать огоньки. Свет легко притягивается к свету. А на берегу уже пылают печи стеклодувов. Из разноцветного песка получают бутылки самых причудливых цветов и форм — в них и помещают пойманные огоньки: закупоривают воском, запечатывают шёлком... И пусть в бутылках не звёзды с неба, а лишь отражения, они всё равно умеют исполнять желания.

— Ерунда.

— Сказочки для дураков!

— Твоя бутылка вообще не причудливая, знаешь ли.

— А мне домой пора.

Мальчишки бросились врассыпную.

Ну и пусть, не доросли ещё. Лора подозревала, что детские фантазии превращаются в веру в чудеса только после шестнадцати — с ней, во всяком случае, год назад случилось так. Она стояла под яблоней на заднем дворе, смущённый Эвет Сонье целовал её в губы, а Лора (о том, что надо закрывать глаза, подружки рассказали ей позже) считала звёзды. Первая влюблённость? Вовсе нет, да и с Эветом они с тех пор лишь пару раз обменялись приветствиями. Но той ночью звёзды впервые показались Лоре какими-то другими.

В конце улицы Сухоцвета показался дом, где она выросла. Такой же вытянутый, как тот чудесник — только не за кисточку на красной феске, а за дымоход на красной черепичной крыше. Лора прошла под потёртой вывеской «Три табуретки», обошла дом вокруг и через чёрный ход проскользну-

ла внутрь. Предательски громко щёлкнул замок и заскреже-
тали дверные петли, им подпели скрипучие половицы. Сту-
пеньки на второй этаж будто стонали: мы слишком древние
для каблучков, почему бы тебе не взлететь?

В полумраке задвинутых ставней Лора прошмыгнула че-
рез второй этаж, где располагалась тётушкина спальня, кух-
ня и запертая на три замка кладовая — на мансарду. Здесь
пахло деревом и сухой лавандой. А ещё одуванчиками. Во-
преки общепринятому мнению одуванчики имеют ярко вы-
раженный аромат отлива, Млечного Пути и приключений.

Мечты о путешествиях не мешали Лоре считать свою ман-
сарду лучшим местом в мире. Она любила набивать шишки
о скошенный потолок, любила единственное круглое окош-
ко, которое выходило... на крышу другого дома, но всё же
показывало кусочек неба. Матрас на кровати вмятинами и
выпуклостями демонстрировал усталость: от беспокойного
ворочанья, сидения с книгой, прыжков и роли пиратского
судна. Зато одеяло было мягким и тяжеленным. Вдоль во-
сточной стены выстроились сундуки: сундук с книгами и тет-
радами, сундук с одеждой, сундук с всяческими находка-
ми. Последний был уже таким полным, что находки, смешав-
шись и перепутавшись, стали снова называться потеряшка-
ми.

Лора сбросила туфли и опустилась на колени перед кро-
ватью. Её последняя монета из подкладки юбки отправилась
в тайник под плетёным ковриком. Бутылку Лора положила

на одеяло. Сглотнула, пригладила волосы. Отважилась, наконец, внимательно рассмотреть покупку.

Стекло выглядело очень толстым. Наверное, поэтому звезда внутри мерцала так тускло — её свет не мог пробиться. На мгновение Лоре захотелось выпустить её, но делать это было нельзя. Хоть говорят, что звёзды — самые свободолюбивые существа на свете, их отражения не умеют жить отдельно от водной глади, сияющей сети и снаружи стеклянного домика. Выпусти — растает, растворится, потухнет, словно и не было никогда.

Воск потемнел от времени, рисунок печати почти стёрся, шёлк истрепался. Эту звезду явно поймали не прошлой осенью и даже не той, что закончилась два года назад.

— Ты здесь давно. — Лора погладила пальцем горлышко. — И я тоже... уже давно здесь.

Она подгрребла вокруг бутылки одеяло, чтобы — вот глупость! — той было удобнее лежать. Потом наклонилась низко-низко и уже собиралась прошептать заветное желание...

Канталуна Верлен была из тех, с кем здороваются. Всегда. И вежливость играла в этом далеко не главную роль.

По негласным законам Вселенной каждое проявление неучтивости равнялось одному разбитому волшебному зеркалу: после — жди беды. Забился дымоход, стул развалил-

ся прямо во время обеда, дочка сбежала с каким-то прохвостом... вот и думай, а не оттого ли это, что в минувшую субботу в лавке молочника ты толкнул мадам Верлен локтем и не извинился.

И хотя имя её было созвучно с названием самого сладкого сорта дыни, лицо у Канталуны было такое, будто она съела лимон.

Или собиралась накормить лимоном вас.

Племянницу мадам Верлен воспитывала с любовью. А любовь — это что? Завтрак, обед и сытный ужин по расписанию. Пуховое одеяло, новое платье к празднику и жгучая перекись на ободранные коленки. Любовь складывается из поощрений и запретов. Дать образование, приучить к труду и скромности, научить держать осанку и удары судьбы (судьба, как известно, тот ещё боксёр — только и успевай отбиваться) ... Не разрешать гулять по крышам, танцевать на бортике фонтана и, главное, уезжать.

За свои тридцать семь лет Канталуна Верлен ни разу не покидала город. Старый родительский чемодан давно служил подставкой для фикуса, а вокзал, откуда раз в сутки уходил почти пустой поезд, она многократно предлагала снести за ненадобностью. Даже мечты о путешествиях считались недостойной тратой времени.

Вот поэтому Лора испуганно подскочила, когда на лестнице послышались шаги.

Как она выглядит? Выветрился ли уже запах моря и тай-

ны? *Румянец с щёк вряд ли сошёл...* Причесаться не успеет, но неряшливость от пробежки и после сна, к счастью, почти одинаковые. Лора нырнула в домашнее платье, взбила подушку попушистее. Вытянулась в послушную степенную струночку, которая не ускользает до рассвета из дома и не грезит о пустом-несбыточном.

После формального стука дверь отворилась. Тётушка Канталуна выросла в проёме зловещей тенью (если у зловещих теней бывают блестящие пряжки и блузки с накрахмаленным воротником). Она не терпела полутонов: если блузка, то белая; юбка — серая, тёмно-зелёная или синяя. На носу — ни одной веснушки, в каштановых волосах — ни одной выгоревшей на солнце пряди. Лора верила, что тётя никогда не поседеет, ведь это предполагает некую легкомысленную разноцветность.

— Доброе утро, — пропела она.

— Доброе утро, Лорелея. — Тётушка прошла в комнату.

— Хорошо ли тебе спалось?

Всю ночь глаз не сомкнула.

— Крепко-крепко спалось, без глупых сновидений! А тебе, тётя Лу?

— Присядь-ка...

Лора метнулась к шкафу, вытащила на середину комнаты стул и уселась, сложив руки на коленях. Она знала, что сейчас случится. Вернее, *не* случится — никогда ещё не случилось.

— Смотри, что мне прислали.

Тётя показала ей продолговатую коробочку.

— Из чего на этот раз? — монотонно спросила Лора.

— Сталь с вкраплениями серебра.

— Стоили, наверное, кучу денег!

Лорелея прикусила язык, чтобы не ляпнуть про новые туфли по размеру — куда более разумную инвестицию. С покорным вздохом она вытащила из волос гребень. Волнистые чёрные пряди рассыпались, укрывая плечи, и руки, и талию, и сиденье стула.

— Они ещё длиннее стали, — констатировала Канталуна.

— За последний год всего на четверть дюйма.

Дальше всё происходило по знакомому сценарию. Коробочка — а они уже бывали бархатными, бумажными, деревянными или вовсе не коробочками, а лоскутами ткани — открылась. На дне блеснули ножницы. В отличие от предыдущих (тяжёлых и страшных, для стрижки овец) эти выглядели симпатично: новенькие, серебристые, с гранёным гвоздиком и завитушкой на кольце.

Тётя Лу подхватила тонкую прядь Лорелеиных волос и отмерила длину до середины шеи — как у неё самой. Лора зажмурилась. Рядом с её ухом лезвия ножниц с бренчащим *з-з-ж-ж-ж* скользнули друг по другу. Потом обратно, быстрее: *з-ж-ж-ж-ж*.

И всё... никаких *шурх* и *фшишишрр*, никакого мягкого, почти невесомого *фшух*, с которым срезанные волосы упали бы

на коврик. После ещё нескольких истеричных *з-жизнь* туда и обратно стало тихо. Когда Лора открыла глаза, тётя Лу накрывала скривлённые ножницы крышкой.

— Снова не получилось? — поинтересовалась она участливо.

— Когда-нибудь твои волосы заполнят собой весь дом.

Канталуна всё ещё держала длинную прядь. *Топор... Топор она ещё не пробовала.*

К счастью, обдумать эту идею тётушка не успела, потому что вмешалась судьба. Ну или случайность — кто во что верит. Цепочка событий, обычных и невероятных одновременно, запустила другую цепочку — но это позже вечером, а пока...

Мимо промчался утренний ветер, *обычный* для приморского городка. Окно со стуком распахнулось. Соседский серый кот, который по утрам *обычно* гулял по крышам, счёл это приглашением: он запрыгнул на доску-самодельный-подоконник, сбросил на пол тетрадь, сбросил кактус... по красивой дуге перелетел на кровать.

И снова Лорелея догадалась, что сейчас случится, хотя такого уж наверняка ещё не случалось никогда. Она не успела остановить кота, который при всей своей корпулентности и неповоротливости уже сгрёб одеяло и полез под подушку.

— Нет!

Но подушка уже приподнялась. Не пойманная когтистыми лапами скользкая бутылка перевалилась через край мат-

раса — не разбилась — и покатилась дальше прямо к ногам Канталуны Верлен.

Лора приготовилась к буре. К шторму, урагану, подводному землетрясению — всему убийственному, что в море бывает. Но тётя просто подняла бутылку и сказала:

— Верни животное хозяевам, Лорелея. И приберись здесь, чтобы я ни одной шерстинки потом не нашла. У меня — апчхи! — жуткая аллергия.

Лора не расстроилась, и на это было три причины.

Во-первых, мадам Сонье. Она долго благодарила за возвращение кота, долго извинялась, а потом накормила Лору маковыми ватрушками.

Во-вторых, бутылка просто переселилась из-под подушки на барную витрину. Со звездой ещё можно будет поговорить!

А в-третьих, тётушка Канталуна вечером наконец-то отправилась на свидание со своим библиотекарем. Всего лишь после четырёх лет ухаживаний. После сезонных букетов, корзин с яблоками и грибами, ракушечных шкатулок, отремонтированного радио и двух дюжин редких книг. Если всё пройдёт *приемлемо*, тётя вернётся в добром расположении духа. Если... если кавалер начистит ботинки и отгладит рубашку до состояния зеркала, не будет чересчур молчаливым и слишком болтливым, не станет нести романтическую чушь

о звёздах и ни в коем случае — даже в порыве нежности — не вздумает назвать тётю «Лулу».

— Много времени это не займёт, — заверила Канталуна Верлен, надевая перчатки.

Скрестив за спиной пальцы, мечтая, чтобы она задержалась подольше (вовсе не ради себя, просто за последние семнадцать лет у тётушки было на одно романтическое свидание меньше, чем у племянницы — то есть ноль, — а куда это годится), Лора обещала вести себя хорошо.

Она любила оставаться одна. Спускалась на первый этаж — в трактир «Три табуретки», который остался от дедушки, — и воображала себя королевой во дворце.

Сегодня был четверг, традиционный выходной во всех питейных заведениях города.

В углу скрипел потрёпанный временем граммофон. На двери снаружи покачивалась табличка «закрыто», а внутри покачивалась швабра, с которой Лора танцевала между столами вальс. В её воображении деревянные доски превращались в начищенный до блеска паркет, тусклые лампы становились роскошными канделябрами: их отблески множились в бутылках на витрине, будто в зеркалах.

— Господин Швабра, вы вальсируете великолепно, — хвалила Лора, приседая в реверансе.

— *Всё благодаря вашей ловкости и грации, мадмуазель Лорелея,* — отвечала она себе низким гнусавым голосом.

Домашнее платье и выцветший фартук представлялись

вечерним нарядом, лёгким как вздох. Не тряпкой, а изящным кружевным платком Лора полировала латунный кран для пива; она вытягивалась в пируэте, чтобы стереть пыль с бутылок на верхних полках. Кальвадос, вино, анжуйский ликёр, её звезда...

Лора отставила швабру и остановилась перед бутылкой с кривым горлышком. Ближе к ночи огонёк сиял чуть ярче, а когда Лора трогала мутное стекло, — пульсировал.

— Нравится тебе здесь, на витрине? — спросила Лора. — Может, подружишься с кем-нибудь... только не с коньяком, пожалуйста. Этот здорово бьёт в голову, потом исполнишь моё желание как-то неправильно.

Она приложила ладонь ко рту и приготовилась шептать, но не успела. Дверь с невежливым грохотом распахнулась, и через порог перевалились двое. Лора их не знала, но внешние оба соответствовали типу молодых людей, от которых тётя Лу настоятельно рекомендовала держаться подальше. Пиджаки помятые, верхние пуговицы рубашек будто никогда не были созданы для того, чтобы их застёгивали. Ботинки мало того, что грязные, так ещё и петельки шнурков разного размера. Один был рыжий — «от таких добра не жди» — и давно пренебрегал стрижкой. Войдя в помещение, где находилась девушка, он даже не потрудился снять шляпу, что, по мнению Канталуны Верлен, было восьмым смертным грехом. Другой шляпы не носил, зато его подбородок покрывала неопрятная многодневная щетина.

— Вообще-то, у нас закрыто, — звонко проговорила Лора. — Там табличка на двери.

— Вообще-то, мы уже вошли, — передразнил её рыжий в шляпе.

Оба расхохотались. От них несло тем самым, который здорово бьёт в голову. Дверь закрылась, теперь — *молодец, Лора, могла бы и сама раньше додуматься!* — на ключ. Незваные гости принялись инспектировать помещение на предмет побезобразничать.

— Лучше вам покинуть трактир по-хорошему, — посоветовала Лора. Швабра в её руках превратилась из партнёра по танцам в шпагу, однако это не произвело должного устрашающего впечатления.

— А то что, птенчик? — спросил тот, что не любил бриться.

Покачиваясь, он добрёл до граммофона, вытащил и повертел в руках пластинку. Скучно... вот натёртые до блеска кружки для пива — другое дело. Пока он наполнял две, его неприлично рыжий друг вырвал несчастного господина Швабру и отбросил в угол. Потом схватил брыкающуюся Лору за талию и посадил на стойку.

— Тут сиди и не мешай.

Лора стукнула его тряпкой по носу, за что получила щелчок — тоже по носу.

Ай...

Пока гости пили пиво, Лора думала. Драться ей бы не хо-

телось. Она могла! Просто не хотелось бы... даже с высокими шансами на победу (спросите соседских мальчишек). Эти двое были взрослыми и плечистыми, а после мешанины напитков — бесстрашными и глупыми.

Помогая иногда в трактире, Лора ни разу в жизни не пробовала ничего крепче кофе, но ей посчастливилось со стороны наблюдать разные степени опьянения. По шкале от «лёгкой ряби на воде» до «лавки чудес» эти двое почти достигли стадии «капитан»: глаза блестят, речь течёт как ручейки весной; сначала они признаются всем в любви и обещают подвезти в любую точку света на несуществующем корабле... а потом крушат мебель.

Что ж, эти «капитаны» признания в любви решили пропустить. Допив пиво, они один за другим бросили кружки на пол. За короткий *дзинь* Лора успела посчитать убытки и представить тётушкин гнев (для которого, конечно же, существовала отдельная шкала).

Рыжий начал открывать бутылки на витрине и нюхать содержимое. Если запах устраивал, он отпивал пару глотков. Если нет — морщился и с размаху бросал открытую бутылку на пол.

Дзинь. Портвейн, сорок франков.

Плюх.

По залу стелился хмельной аромат разлитого вина и неприятностей.

Лора спрыгнула и бросилась к окну. Если успеть открыть

и заорать что есть мочи, сбегутся соседи. Но небритый поймал её на полпути и сжал в корявых объятиях.

— Потанцуй со мной, птенчик?

От его сорокаградусного дыхания у Лоры закружилась голова.

— Лучше наденьте, — она со всей силы наступила ему на ногу, — граммофон себе на голову.

Но грязный ботинок оказался слишком крепким. Пощёчина смазалась. В унисон с очередным *дзинь* — грушевый сидр, двенадцать франков — Лора завизжала. Таким криком чайки прогоняют крупных птиц, но с этим тупым буревестником не получилось. Он уже зажмурился, сложил губы трубочкой и полез целоваться. Щетина царапала щёку. Лора презрительно отвернулась... чтобы увидеть, как рыжий истерично трясёт её бутылку со звездой.

— Не открывается, — обиженно пробубнил он, поправляя съехавшую от усердия шляпу.

— Не смей!

Откуда-то взялись силы, Лора вывернулась из прилипчивых объятий.

— Почему не открывается!

И рыжий сделал то, что у него получалось лучше всего. *Дзинь*. Звезда, пятьдесят пять франков. Не загаданное желание, потерянная мечта.

Повисла оглушительная тишина, какая бывает только после оглушительного звона. Секунда, вторая, третья... без-

звучное тиканье невидимых часов сменилось стуком — робким, но ритмичным, похожим на биение сердца. Не Лоры — её сердце разбилось вдребезги вместе с бутылкой. Не гостей.

Из-за стойки повалил густой белый дым с серебристыми искорками. Пожар? Вода, нужна во... Но дым клубился как-то неестественно, рос и уплотнялся, становился осязаемым. Рыжий попятился под натиском. Его дружок попятился тоже — до самой входной двери. Бормоча что-то и размахивая руками быстрее мельницы, он выскочил наружу.

А дым уже доклубился до человеческого силуэта. То ли свет так заигрывал, то ли испуг рисовал в воображении чудные картины, но белое вдруг стало жёлтым. Оранжевым, алым, бордовым, густым фиолетовым! Пока наконец на месте вселенской — Лора ощущала её именно так — катастрофы не выросла фигура в объёмном плаще с капюшоном. Ткань переливалась как вечернее небо, в складках прятались всполохи заката и зарево рассвета, мерцание далёких звёзд.

— Ты ещё кто такой! — рявкнул рыжий. По шкале опьянения он достиг стадии «летаем на ките», в которой теряется и страх, и инстинкт самосохранения. Плотнее нахлобучив шляпу, рыжий собрал все силы и толкнул третьего гостя.

Тот едва качнулся. Из-под плаща вынырнула человеческая рука: потянулась к витрине, схватила первую попавшуюся бутылку и с размахом опустила её на шляпу. Эта (кальвадос, сорок два франка) не разбилась, зато рыжий рухнул как подкошенный.

— Хм, прочная, — констатировал хрипловатый голос из-под капюшона. Плащ взметнулся; фигура опустилась на пол и скрылась из вида.

Сначала Лора услышала звук отвинчиваемой крышки, потом приглушённое бульканье. Ну вот, ещё один пьяница! Хотя осуждать этого Лора не торопилась — может, пребывание в бутылке накладывает отпечаток. Осторожно, на цыпочках, она подошла и перевалилась через стойку. Среди разноцветных липких осколков валялся без чувств разборчивый дегустатор. Лорина бутылка, целая и невредимая — как так? — укатилась под нижнюю полку витрины, а её бывшее содержимое сидело на полу и пило кальвадос. Капюшон сполз: под ним обнаружился молодой человек. Каким ярким, раскрашенным во все цвета неба был его плащ, таким бесцветным оказался он сам. Губы бескровные; растрёпанные, будто он побывал в буре, волосы — морозно-белые. Как и брови, как и длиннющие ресницы.

— Добрый вечер, — вежливо начала Лора. — Скажите, пожалуйста... только не бейте меня по голове! Скажите, вы — джинн?

Он отсалютовал бутылкой.

— Данте.

— Очень приятно, Лора. Я имею в виду, вы джинн из бутылки? *Слушаюсь и повинуюсь, благодарю за спасение, готов исполнить три твоих желания...* и всё такое?

Он ненадолго задумался, белые брови сошлись на пере-

носице.

— Точно. — Данте, как он себя назвал, вяло толкнул бесчувственного рыжего в бок и монотонно продекламировал: — Слушаюсь и повинуюсь, готов исполнить... Как там дальше? Ах, чёрт с ним.

Несколькими большими глотками он опустошил бутылку, после чего устался на Лору.

— Есть чего-нибудь поесть?

Глаза у него были цвета... таким бывает море на рассвете, у самой линии горизонта, куда ещё не добрались солнечные лучи... Лора встрепелась.

— Есть луковый суп. — Она загнула мизинец. — Овощное рагу, вчерашний мясной пирог. Сыр ещё есть и гренки, яблочный джем, маковая ватрушка от мадам Сонье — мне с собой завернули. Запеканка с картофелем и грибами оставалась, ну и фасоль. Да, фасоль.

Пальцы закончились, а Данте всё слушал заворожённо и ждал, вспомнит ли Лора что-нибудь ещё.

— Неси, — сказал он. — Вот это всё неси.

— Всё?

— Очень есть хочется. Я всё-таки в бутылке... какой сейчас год?

— Тридцать второй. — Это не помогло, и Лора добавила: — Тысяча девятьсот.

Данте кисло скривился.

— Я всё-таки сорок лет в бутылке просидел.

Лора умчалась. В тишине пустой кухни она могла осознать происходящее. Но не могла. В маленьком городке, где почти все друг друга знают, её по-доброму называли странной. Из-за фантазий, желания постоянно куда-то взбираться, дружбы с кошками и морскими звёздами. Из-за противоестественной привычки никогда не отчаиваться. Ха! Что добрые соседи сказали бы сейчас при виде человека, который вылез из бутылки. Как он туда поместился, спросят они, не поверив. Элементарно: в виде компримированного белого дыма. Да, сама видела. Нет, не выдумки очередные.

Вот только Лора никому ничего доказывать и рассказывать не собиралась. Она пыталась упорядочить мысли и чувства. Разноцветный калейдоскоп из бутылочных осколков, запахов — пива, жасмина и первых снежинок, — танцев, испуга, восхищения и серебристой пыли вращался с такой скоростью, что голова кружилась. Лора ни секунды не сомневалась в своём здравом уме — и том, что с ней приключилось нечто волшебное. Не совсем то, что она собиралась загадать, но всё-таки...

Когда Лора вернулась в зал спустя десять минут (подогрева, размешивания, раскладывания по тарелкам, а также причёсывания и срочного устранения не самого чистого передника), стекляшки бешеного калейдоскопа сложились в новую картинку. Граммофон скрипел какую-то ускользающую мелодию. Господин Швабра под витриной боролся с последствиями дегустации. *Самостоятельно*. Под его чутким

дирижированием поднимались вверх и собирались вместе круглые капли портвейна, коньяка и грушевого сидра. Взлетали осколки, склеивались в целёхонькие бутылки и возвращались обратно на полки.

Лора совсем не удивилась, но отчего-то захотела грохнуть в обморок (давно пора). Если бы не поднос в руках, она так бы и поступила.

Рыжий всё-таки снял шляпу: он полулежал за одним из круглых столиков и держал на голове холодную пивную кружку. Данте ходил по залу и трогал всё подряд. Завидев Лору, он подскочил и отобрал у неё поднос — не из вежливости, просто так еда быстрее оказалась у него. Сел за соседний столик, чтобы не делиться.

— Приятного аппетита... — попыталась Лора. — Наверное, не стоит намазывать яблочный джем на грибную... Что ж, ладно.

Грамофон скрипел, бутылочные осколки трещали, когда неизвестная сила их сшивала, рыжий стонал. Данте жевал.

Осторожно присев на соседний стул, Лора улучила момент между сладкой ватрушкой и луковым супом — да, в таком порядке — и спросила:

— Данте, а почему своё «слушаюсь и повинуюсь» ты сказал вон ему? — Она указала на рыжего.

Тот перестал стонать и прислушался. Шок, боль и, кажется, обида заставили его откатиться по шкале опьянения на несколько ступеней назад.

— Потому что он — хозяин бутылки, — пояснил Данте, проглотив ватрушку.

— Меня зовут Бастьен, — зачем-то вставил рыжий, словно это было кому-нибудь интересно. Он жадно посматривал на пирог, но снова брать вещи, которые ему не принадлежат, почему-то не решался.

— Но это моя бутылка, — возразила Лора. — Я купила её на последние деньги.

Данте запрокинул голову и перевернул тарелку с луковым супом над открытым ртом.

— Сочувствую, — ответил он без всякого сочувствия. — Утром была твоя, а вечером перестала.

— Но он просто взял и разбил чужую бутылку!

— И тем самым заявил на неё свои права.

Когда все тарелки заблестели пустотой и чистотой, Данте поднял голову.

— Не расстраивайся, — он протянул руку и потрепал Лору по макушке. — Ты хотела что-то загадать? Наверное, богатства несметного? Ну хочешь, ограбим кого-нибудь?

— Не хочу. — Лора вздохнула.

— А хочешь украсть бутылку обратно? Подскажу: она во внутреннем кармане его смешного сюртука — вон, выпирает. Можно ещё убить Жюльена, тогда я снова стану ничьим, хочешь?

— Не хочу.

— Я Бастьен.

Все трое помолчали.

Данте откинулся на спинку стула. От горячей еды щёки его чуть-чуть порозовели, плечи расслабились. Он пригладил морозные волосы и чуть-чуть распустил завязки плаща: подобно театральным кулисам полы распахнулись, открыв старомодный суконный жилет с жемчужными пуговицами и рубашку с отложным воротником. Из кармана торчал уголок шёлкового платка. Наверное, как-то так одевался Лорин де-душка... ах, и зачем она тратит время на любование, когда в голове маленькими трудолюбивыми пчёлками жужжат вопросы.

— Желаний, я так понимаю, три? — начала Лора с самого неважного.

— Почему, — тут же отозвался Данте. — Примерно... девятнадцать. Вернее, восемнадцать — одно мы потратили на уборку.

— Правда? — Лора всё же удостоила Бастьена вниманием. За ним сверкали витрины с невредимыми бутылками. — Ты загадал всё тут исправить?

Бастьен скривился от отвращения. Только сейчас Лора заметила под его левым глазом свежий наливающийся синяк. Уже почти трезвый, без своего бахвальства и глупого дружка рядом, Бастьен превратился из рыжего драчливого кота в рыжего побитого кота. Лоре почти захотелось поставить перед ним блюдце с молоком.

— Ну и методы у вас, джиннов, — пробормотала она.

— Я не джинн, я звезда.

Значит, настоящая, а не отражение. С самого неба, а не из моря. Что же это, настоящие звёзды ловят не сверкающими сетями, а сразу бутылками?

— Ну и методы у вас, зв... А что будет после последнего, девятнадцатого желания?

— Почему спрашиваешь? Тебе кажется, что это слишком мало?

— Нет. — Лора улыбнулась. — Я хочу знать, что будет после.

По лицу Данте пробежала и спряталась в уголках его глаз тень. Ещё одна. После третьей Лора поняла, что тени ползут по стенам. С треском, какой издают сотни невидимых сверчков, замерцали лампы, застонала игла граммофона.

Данте вскочил на ноги.

— Что за... — начал было Бастьен, но тут все стулья разом, включая тот, на котором он сидел, подпрыгнули и с грохотом приземлились. — ... здесь происходит!

Поднос с посудой полетел на пол. Лора успела поймать фарфоровое блюдечко и сунула его в карман юбки. Что она поймать не успела, это бутылки: друг за дружкой они взрывались, расплёскивая по залу брызги и осколки стекла. Острые, жалящие осколки. Один зацепил плечо, второй мазнул по щеке. С визгом — теперь не пугающим, а испуганным — Лора нырнула под стол, а тот пустился в скачку вслед за стульями и стукнул её крышкой по голове.

— Пожелай спастись! — прозвенел вопль Данте.

— Что?

— Загадай желание.

Бастьену понадобилось три секунды, чтобы сообразить.

— Хочу спастись, хочу убраться отсюда! — заорал он.

Под столом теперь и пол ходил ходуном. Потирая шишку, Лора на четвереньках поползла к стене, но тут кто-то схватил её за шиворот.

Мир вспыхнул и утонул в ослепительном сиянии — и погас, утаскивая Лору в непроглядную чёрную бездну. Исчез пол. Ноги болтались выше головы, юбка вокруг трепетала парусом. Руки стали крыльями. Словно кто-то рассыпал серебряный бисер на чёрном бархате — из темноты Лоре подмигивали звёздочки.

Спустя секунды, посчитать которые Лора не могла, мир перестал вращаться. Она лежала на земле: в ухо шептали травинки, по ладони ползал кто-то щекотный. Все звёзды остались наверху — высоко, но чуточку ближе, чем обычно. Ветер щипал влажные щёки.

Лора села. Переждала головокружение (знала ведь, что так будет), поморгала и осмотрелась. Рядом сидел Бастьен и курил трубку: одновременно с облачками дыма он выпускал ругательства. Шляпу он где-то потерял, да и в общем выглядел ещё более потрёпанным, чем раньше. Данте — Данте стоял прямо на линии горизонта, которая вдруг оказалась очень близко. Его силуэт серебрился на фоне неба, волосы

отвечали ветру, а вот плащ почему-то не шевелился.

— Моя тётя скоро вернётся домой. — Лора поднялась на ноги. — Что с ней будет?

Он и сам не двигался, больше похожий на фигуру из льда, разлитых чернил и рассвета, чем на человека... впрочем, он ведь и не был человеком.

— Полагаю, — лёгкая улыбка тронула его губы, но не глаза, — расстроится из-за беспорядка.

— Мы должны её спасти. — Не рассчитав силы, Лора резко крутанулась и чуть не упала. Кто тут загадывает желания? — Если надо, я тоже могу стукнуть!

Бастьен сердито зыркнул на неё.

— Твоей тёте ничего не грозит, — добавил Данте, кажется, вполне убеждённо. — Это были тени-охотники, им нужна бутылка, которая теперь здесь. Но ты можешь вернуться домой на поезде.

— Домой... — пробормотала Лора. — Да. Может быть... позже.

Она вдруг поняла, почему так холодно. Почему Млечный Путь висит так низко — только сделай сальто и гуляй по нему, пока не надоест, — и откуда взялся горизонт. Они стояли на горной вершине — сразу за спиной Данте она обрывалась крутым бугристым спуском.

Каждый следующий шаг получался увереннее, хотя сердце колотилось и сбивало с ритма. Лора остановилась на самом краю, носочек тётушкиной туфли завис над пропастью.

— Я никогда не видела так много... — Она протянула руки. — Мира.

На одной ладони вырос мерцающий огнями город. На другой — скалы со снежными пиками, похожие на застывшие пенные волны: между ними стройной ниткой жемчуга тянулся виадук. Стучали по рельсам колёса поезда. Дымчато-синяя ткань с треском расступалась перед его круглыми сигнальными фарами — за последним вагоном ночь заново её сшивала.

Лора не замечала, что покачивается, пока её опять не схватили за воротник и не установили в стабильную вертикаль.

— Если свалишься, вряд ли Жюльен успеет быстро загадать правильное желание, чтобы я успел тебя поймать.

— Я Бастьен.

— Ты умеешь летать, только когда кто-то этого пожелает? — спросила Лора.

С её воротника переползали на шею и стекали вниз по спине маленькие ледяные мурашки. Данте разжал пальцы — *почему, почему?* — и ответил:

— Мне ещё никто не загадывал летать.

— Вот дураки. А что тебе загадывали?

Он отвернулся. Он смотрел туда, где самая острая вершина протыкает небо, и гадал, возможно, почему небо не рвётся. А Лора, спрятав за спиной руки, разглядывала его ресницы. Их нарисовал мороз... она улыбнулась. Да, тот же мороз,

который расписывает окна тоненькими белыми линиями.

— Я желаю новую шляпу.

Лора быстро развернулась. Кристально трезвый Бастьен (приятнее он почему-то не стал) стоял, сунув руки в карманы.

— Ты ведь не собираешься тратить желание на шляпу! — Она хлопнула себя по щекам.

— Собираюсь. Я буду тратить мои желания так, как захочу.

Бастьен пригладил рыжую шевелюру, готовя аэродром для приземления — приголовения? — нового широкополого средства для поднятия самооценки.

— Послушай, Бастьен... — Лора приготовилась аргументированно возражать (воспитание тёти Канталуны даром не прошло), но у неё за спиной раздался щелчок.

В то же мгновение на голове Бастьена возник бронзовый шлем римских легионеров. Лора не могла не признать, что алый гребень, смутно напоминающий петушиный хохолок, очень шёл Бастьену.

— Не то! — воскликнул Данте.

С видом скульптора перед своим будущим шедевром он выступил вперёд и закатал рукава. Снова щёлкнул пальцами, и шлем превратился в мушкетёрскую шляпу с пряжкой: роскошное голубое перо маятником закачалось перед лицом Бастьена. Не успел тот разразиться проклятиями, как перо исчезло, широкие поля втянулись, а под подбородком Бастье-

на, чуть его не задушив, затянулась верёвочка. Тут же ковбой перевоплотился в индейца — Бастьен согнулся под весом длинного венца из перьев с рогами и шлейфом.

Лоре больше всего понравился огромный шёлковый тюбан, а вот Бастьен наверняка с удовольствием оставил бы себе инкрустированную бриллиантами корону... только её сменила коричневая шляпа — сестра-близнец его предыдущей, — и на этом всё закончилось.

— Примерно сто лет назад, — произнёс Данте, расправляя манжеты, — талантливый артист по имени Ли Минь мечтал о мировой славе. Он пожелал голос, который очарует любого слушателя, и труппу, способную играть без устали. Я исполнил желание. Три дня спустя его за кулисами задушили завистники. Это ответ на твой вопрос.

Он повернулся к Лоре. Несколько секунд они смотрели друг на друга, а потом Бастьен сказал:

— А теперь, — он шумно втянул воздух, — теперь я хочу, чтобы здесь появилась самая красивая девушка побережья.

Лора заозиралась: ничего не произошло, стало даже как-то тише.

— Где? — Бастьен не оглядывался, а наоборот, застыл.

— Прости. — Данте пожал плечами. — Из всех ныне живущих девушек побережья я успел познакомиться только с одной, а она уже здесь.

Это был не комплимент, совсем даже наоборот, но щёки Лоры вспыхнули. Она почувствовала себя на два дюйма вы-

ше и на восемь заколдованных принцесс прекраснее. Даже тусклые чёрные волосы будто бы научились отражать свет.

— Это не самая красивая, — заявил Бастьен. — И только не говори, что я потратил желание ни на что.

— Не потратил, я ведь не использовал магию.

Воображаемое зеркало перед Лорой разлетелось на осколки.

— Что будет после последнего желания? — спросила она.

Данте не ответил.

— Ладно, сейчас потрачу. — Бастьен сжал кулаки. — Я немедленно хочу увидеть мою девушку... бывшую девушку. Перенеси меня к ней!

Лора раскинула руки, пытаясь на прощание впитать в себя побольше окружающей бесконечности, глубоко вздохнула и зажмурилась. Её ведь не оставят здесь одну? Не оставят? Самые тёплые холодные пальцы сжали воротник. Мир вспыхнул, сплюснулся до размеров бутылки — и растёкся непроглядной бездной.

Всё-таки свидания — не самая обязательная вещь в жизни. Даже не самая приятная.

Канталуна Верлен возвращалась домой в дурном расположении духа. Всё прошло хорошо — слишком хорошо. Она безуспешно искала, к чему придраться и чем обосновать от-

каз от последующих встреч до конца жизни.

От стука её каблучков разбегались коты. В брусчатке появлялись трещинки — пока невидимые, но уже через два года мэру придётся пожертвовать немалую часть бюджета на обновление покрытия.

То, что с домом что-то не так, Канталуна поняла ещё в начале улицы. Он распространял по округе такую тишину и темноту, словно в мансарде спала воспитанная семнадцатилетняя девушка. Кто в это поверит? Сквозь зашторенные окна трактира пробивался тусклый свет, и Канталуна отправилась туда.

Дверь оказалась не запертой. Шагнув через порог, Канталуна услышала под подошвой хруст стекла... что ж. Бойся своих желаний, говорят. Весь вечер Канталуна Верлен мечтала найти повод больше никогда не отлучаться из дома по неуважительной причине — и вот же он, наглядный. Перевернутые стулья, развалившийся на две части стол, битая посуда... Канталуна почти не удивилась разгуливающей по залу швабре, за которой хвостом волочилась тряпка. Подброшенные осколки взлетали, кружили, пытались вспомнить себя в целом виде, но вновь рассыпались.

Этот оркестр играл по инерции, ему явно не хватало дирижёра.

Канталуна провела рукой по стойке — ладонь покрыл слой мелкого серебристого порошка. Уворачиваясь от швабры, Канталуна прошла на кухню и ссыпала порошок в пустую

баночку для джема.

Потом она отправилась на мансарду и удостоверилась, что Лоры там нет.

В своей спальне Канталуна Верлен переставила на комод старый фикус и открыла пустой чемодан. Туда отправилась плотно закрытая и обёрнутая шалью баночка, зубная щётка и несколько комплектов одежды. Наряд для свидания Канталуна не сменила — он не отличался от её повседневного и как дорожный тоже годился.

По пути на первый этаж она впервые за семнадцать лет остановилась перед вечно запертой кладовой. Замки — все три — заржавели, но открылись. Разбуженная дверь заскрипела.

В тесной комнатке стоял сломанный стол на трёх ножках — он не падал лишь потому, что упирался в стены. На нём, под многолетним слоем пыли, тайны и вычеркнутых воспоминаний хранился конверт. Адрес Канталуна не забыла — ни на секунду не забывала, — но всё же сунула конверт в боковой карман чемодана. Помнила она и послание из одной-единственной фразы.

«Я буду ждать».

Десять минут спустя Канталуна Верлен покинула дом и трактир «Три табуретки», чтобы ещё долго, долго не возвращаться.

Глава 2 — в которой герои принимают непростые решения

Как уже опытная путешественница со звёздами, во второй раз Лорелея сориентировалась быстрее. Голова почти не кружилась, колени почти не подкашивались, сердце стучало почти ровно. Данте перенёс их в соседний городок: здесь пахло той же солью, за грядой холмов шумело то же ночное море. На узкой улочке спали все дома — кроме одного.

Прячась в тени ветвистой яблони, Лора с Бастьеном беззастенчиво заглядывали в единственное жёлтое окно.

— Она и правда самая красивая, — прошептала Лора.

Бастьен в оценках посторонних не нуждался. Не моргая, замороженный без всякого волшебства, он наблюдал за танцем тёплого света и кружева. В небольшой комнатке перед зеркалом кружилась девушка в белом платье. Свадебную причёску она сделает утром, скроет под вуалью, а сейчас её волосы золотистыми волнами рассыпались по плечам. Её босые ноги плавно скользили по ковру, будто по льду, тонкие руки перебирали в воздухе струны невидимой арфы.

Лорин мечтательный вздох «разбудил» Данте. Он свесился с нижней ветки, на которой сидел, и глубокомысленно произнёс:

— Кажется, пора рассказать вам о правилах.

— Загадывания желаний? — сразу сообразила Лора. — Я знаю одно: нельзя пожелать больше желаний.

Возможно, Данте кивнул. Он висел вниз головой, поэтому сложно было сказать наверняка.

— Теперь нельзя, да... Это первое.

— А второе?

Забавно, что интересовалась Лора, когда загадывать предстояло Бастьену. Однако тот видел лишь невесту и слышал только колокольный звон, под который она утром пойдёт под венец с другим.

— Нельзя воскрешать мёртвых. — Данте подтянулся и прыгнул на землю. Так у него освободились пальцы, чтобы их загибать, а Лора смогла выровнять шею. — Нельзя влиять на чувства других людей и сознательно наносить им вред.

— То есть ты не можешь заставить эту девушку полюбить Бастьена? — уточнила Лора. Она боялась услышать это желание следующим.

— Нет.

Вот и славно. Однако они, наверное, могли похитить невесту и пытаться принудить её к любви всякими бесполезными способами вроде букетов и блестящих подарков... Словно прочитав её мысли, Данте приложил палец к губам. Лора улыбнулась. Нет-нет, подсказывать Бастьену идеи она не станет.

— Ну и... — вспомнил Данте. — Это не правило, но я очень не советую загадывать вечную жизнь, вечную моло-

дось, вечное *что угодно*, потому что это очень долго.

Бастьен правила не слушал.

— Теперь хочу увидеть его, — буркнул он. — Счастливого жениха.

Ох, это «счастливого» прозвучало как утыканная иголками и булавками подушечка.

— Он далеко живёт? — быстро спросила Лора. — В этом городе, ведь так? Может, пешком прогуляемся, чтобы желание не тратить? К тому же такая концентрация волшебства вряд ли благоприятно влияет на...

— Зачем она здесь? — перебил Бастьен.

— Давление, артериальное давление.

Данте накинул на голову капюшон и перебросил левую полу плаща через правое плечо, что могло означать «вышло случайно, больше не повторится». Или «если хочешь, чтобы я от неё избавился, загадай желание». Или... Лора могла бы придумать парочку объяснений иного толка, но от них краснели щёки.

— Ладно. — Бастьен отмахнулся.

Идти пришлось недолго. На перекрёстке, где встречались пять улочек и один подозрительный переулок без указателей, они свернули на соседнюю. С одной стороны на ночных гостей смотрели тёмные витрины, с другой — окна жилых домов. Напротив одного Бастьен остановился.

Было темно и тихо. Жених не вертелся перед зеркалом, не разглаживал на костюме невидимые складочки.

— Вряд ли он спит, — пробормотала Лора. *Наверное, спра-
жается с одеялом и ждёт, когда наступит утро.*

Её шёпот растворился в листве дикого винограда, кото-
рая захватила половину кирпичной стены. А голос Бастьена
эхом отразился от стёкол.

— Желаю, — начал он, и сердцу Лоры вдруг стало тесно в
грудной клетке. — Желаю, чтобы этот неудачник не вернул-
ся из следующего плавания... Нет, слишком долго.

За две секунды молчания Лора успела обернуться на Дан-
те — тот разместился на крыльце рыбного магазинчика и
прикрыл глаза, будто собирался вздремнуть.

— Пусть завтра перед свадьбой свалится с лестницы и пе-
реломает себе обе ноги... и потом до смерти ходит на косты-
лях, — сформулировал желание Бастьен.

Лора сжала кулаки.

— Отмени, — прорычала она так зловеще, что тётя Лу бы
восхитилась.

— Исчезни! — рявкнул Бастьен. Поверх её макушки он
смотрел в окна второго этажа. А Лора надеялась разглядеть
в его глазах пелену, хотя бы тоненькую, прозрачную, но Ба-
стьен окончательно протрезвел.

— Это не принесёт тебе счастья.

Лора схватила полы его пиджака, но Бастьен скинул её
руки. Тогда она подбежала к Данте, присела, быстро пробормо-
тала:

— Не выполняй, пожалуйста-пожалуйста...

И, не дожидаясь реакции, вернулась к Бастьену. Он перевёл на неё взгляд.

— Мне не нужно счастье. Я хочу, чтобы *она* была несчастна, чтобы всю жизнь жалела о своём выборе.

— Не хочешь.

— Хочу.

— *Не хочешь.*

Бастьен сжал её плечи и так встряхнул, что с него слетела шляпа.

— Я сказал, исчезни. Просто уйди, иначе следующим желанием ты исчезнешь буквально.

— Хм. — Вывернувшись, Лора толкнула его в грудь. — Так ты всегда и поступаешь, правда? Плохое настроение? Можно ворваться в закрытый трактир — где только что, между прочим, навели чистоту! — и разгромить его. А что случается с людьми, которые тебе не нравятся? Повезло, теперь можешь разбираться с обидчиками чужими руками — просто загадай желание. Что со мной хочешь сделать?

— Я передумал, на такую мелочь желание тратить не стоит. — Бастьен скривился. — Обойдусь ремнём. Тебя когда отец в последний раз воспитывал?

Может, Лора побледнела. Может, от упавшей на лоб чёлки по её лицу проползла тень, которая напомнила Бастьену другие тени — те, после которых всё вокруг начало взрываться. Он замер.

— Неудивительно, что твоя девушка выбрала другого. —

Лора пожала плечами и сделала шаг в сторону. — Давай, загадывай. Только она всё равно к тебе не вернётся.

— Заткнись.

— Уж не знаю, какие беды и увечья наслать на жениха, чтобы *ты* вдруг стал предпочтительнее. — Она в задумчивости почесала подбородок. — Хотя знаю! Пусть не ноги, а сразу шею свернёт? Всяко надёжнее будет. Ну давай.

Он как будто замахнулся. Сжал кулак с такой силой, что пальцы хрустнули. Он так и остался стоять с поднятой рукой, когда заговорил Данте.

— Очень давно, несколько столетий назад, моя бутылка попала к одному учёному. — Данте пошуршал плащом о дверь, устраиваясь удобнее. — Август Вернер его звали. Страстный был, умный, восторженный — мечтал всё разложить на мельчайшие частички. Умер от... впрочем, не об этом сейчас. Молодая жена доктора Вернера была женщиной не менее страстной, что правда, в несколько другом смысле. И пока муж допоздна пропадал в своей лаборатории, фрау Вернер проводила время с тупым как пустая колба кузнецом. Узнав об этом, доктор пожелал, чтобы вместо крови вены его жены наполнила ртуть.

На улицу со всеми спящими жителями в их спящих домах опустилась тишина. Густая и тяжёлая — как ртуть. Медленно Бастьен присел за шляпой, но, скомкав её пальцами, он так и остался стоять на одном колене. Лора опустилась рядом и обняла его за шею.

— Я бы так не сделал, — сердито прошептал он ей в ухо.
— Я знаю.

Лора считала слезинки, которые скатывались с его ресниц по её щеке. Лора считала секунды. Через пять она почувствовала руку Бастьена у себя на спине, а уже через шесть он отстранился, вскочил на ноги, грубовато потянув её за собой, и буркнул:

— Я отменяю желание. Все последние, которые тут напридумывал.

Реакции не последовало.

— Данте, ты слышал? — Лора села рядом и заглянула в его лицо.

— А вы? — Он страдальчески закатил глаза. — Вы слушали правила? Для кого я рассказывал, что не могу никому навредить?

— Мог бы раньше напомнить, — обиделась Лора.

— И прервать вашу мелодраму? Извольте.

— А кровь в ртуть ты тоже не превращал?

— Конечно, нет.

Лора машинально кивнула. Она словно прижала к уху раковину и слушала гул моря, а слова с чувствами — их уносил ветер. Камни брусчатки превратились в клавиши церковного органа: они нажимались и подскакивали в нестройном ритме. Стена из плюща качалась, протягивая к ней листья... или это Лора качалась?

Так бывает, когда впечатления накатывают волшебной,

удивительной, сшибающей с ног волной, а после отлива хочется закопаться во влажный песок и уснуть.

Рядом на крыльце уселся Бастьен. В молчании он выкурил трубку, отряхнул колено от невидимой дорожной пыли и, взглянув на Лору, сказал:

— Да, надо поспать.

— Это твой город? — спросила Лора, подавив зевок. — У тебя здесь есть дом?

— Был, но я уехал навсегда.

— Значит, нужно поискать гостиницу.

Хлопнув руками по коленям, Лора встала и несколько раз обернулась вокруг себя в поисках соответствующего указателя.

— Скажи мне, птенчик. — Бастьен со странной ухмылкой выпустил в неё облачко вонючего дыма. — Ты ведь домой не торопишься?

— Очень тороплюсь, — быстро ответила Лора. — Тётя будет ужасно волноваться. Но, может быть, не прямо сейчас...

Вот уже несколько часов Лора находилась вне дома, вне города, вне своей жизни, уже прожитой до сегодняшней ночи и распланированной для всех будущих. Как впервые выпорхнувший из гнезда птенец — поэтому Бастьен так её называл? — Лора летела кривовато, но воздух снаружи был таким свежим, а высота так захватывала дух!

— Тогда пока за мной присматривать будешь, чтобы я

больше ничего *такого* не загадывал. — Бастьен затушил трубку и спрятал её в уже изрядно прокопчённый карман пиджака.

Преисполненная ответственности, Лора даже спать расхотела. Она выпрямилась. Мысленно уже начала составлять список запрещённых и разрешённых (их получалось намного меньше) желаний. Однако Бастьен и не собирался советовать.

— Желаю оказаться чьим-нибудь наследником, неприлично богатым, — сообщил он Данте. — Жить в большом городе, в огромном доме с кучей слуг. Э-э... желательно, прямо сейчас.

Лора открыла рот, но сформулировать протест не успела. Ночь взорвалась оркестром из звуков: стук и шуршание по мостовой чего-то резинового, гул, урчание, потрескивание... Лора вспомнила теней-охотников, но тут перед рыбным магазинчиком с визгом остановился автомобиль. Такие Лора видела только на картинках. Автомобиль почти заполнил собой всю ширину улицы, его лакированный чёрный кузов сверкал в свете фонарей, хромированная решётка радиатора была похожа на пасть кита — вот-вот распахнётся, — а круглые фары напоминали немигающие глаза совы на охоте.

Задняя дверца распахнулась и выпустила крайне респектабельного господина: в белоснежной рубашке, синем фраке и брюках с убийственно острыми стрелками; и остроносых ботинках, до того начищенных, что брусчатка застыдилась.

Его лысую макушку солнышком обрамлял венец густых седых волос, на длинном крючковатом носу каким-то чудом держалось пенсне с круглыми стёклами.

Бастьен торопливо расправил пиджак. Лора попыталась пригладить растрепавшиеся волосы. Данте — просто поднялся.

— Мистер Клеру? — важный господин поклонился перед Бастьеном, отчего тот впервые за вечер смутился. — С прискорбием вынужден сообщить вам о кончине вашего дедушки.

— Какого дед... — начал Бастьен и получил от Данте тычок в рёбра. — Ах... да. Действительно.

— Горе-то какое, — пискнула Лора. Так реагировали соседские тётушки преклонного возраста на новости о кончине своих знакомых ещё более преклонного возраста. И всплёскивали руками. Лора тоже всплеснула.

— Позвольте сопроводить вас в ваш фамильный особняк на Мунлайт-стрит, сэр?

Важный господин посторонился и указал на широкое кожаное сиденье.

Пожав плечами, Бастьен уже занёс ногу, но Данте за шкуру — привычное движение, но разве ж так можно с богатыми наследниками? — оттащил его, чтобы пропустить вперёд Лору.

— Манеры, — процедил он сквозь зубы.

— Манеры, — согласился Бастьен.

На цыпочках Лора дотанцевала до входа в этот дворец на колёсах и разместилась в серединке заднего сиденья. Пахло кожей, деревом, чуть-чуть машинным маслом и пряным табаком. Снова закружилась голова, но тут с одной стороны рядом плюхнулся Бастьен, а с другой — Данте.

Важный господин отправился на место рядом с водителем.

— Нам, наверное, долго ехать, — заявил Бастьен. Он снял пиджак и принялся складывать его в форме подушки.

Последняя дверь закрылась.

И тут же — двух секунд не прошло — открылась снова.

Важный господин вышел уже на какую-то другую мостовую — залитую светом, тихой музыкой, рычанием моторов и приглушёнными голосами ночных прохожих.

— Добро пожаловать домой, сэр.

Поезд пришёл на рассвете.

Единственная, для кого этим утром топили угольную печку в зале ожидания (всё-таки сентябрь), единственная на залитом сырым туманом перроне, Канталуна дослушала гудок паровоза и поднялась в единственный пустой вагон.

Сегодня больше никто не приехал, никто не уезжал, но машинист с точностью до минуты выдержал получасовую остановку. Поворачивая голову от серого здания станции в за-

падном окне к редкой полосе леса в восточном, Канталуна взвешивала правильность своего решения.

Одна чаша весов — другая. Уехать. Остаться.

Может, зря она это затеяла? Вдруг Лорелея уже благополучно вернулась и ищет её — или радуется, что никого нет дома, что можно ходить в чулках, таскать на мансарду уличных котов и тратить деньги на сомнительные сувениры. А может, Канталуна последние семнадцать лет только и ждала повода отправиться в это путешествие.

Огромные часы на фасаде станции явно опаздывали. Кто придумал стрелки из тяжёлого железа? Ни один часовой механизм не способен преодолеть их вес.

Наконец, гудок. Захлопали двери, колёса ударили по рельсам. Канталуна Верлен засунула чемодан под скамью и достала из кармана смятый конверт, чтобы перечитать адрес, который помнила. Но поезд нырнул в тоннель в горе, и стало темно.

«Я буду ждать».

Вряд ли он всё ещё там — дурак, если так, дурак...

Лорелея наверняка сравнила бы этот тоннель с драконом: вот он заглотил поезд целиком, а потом сжалился и отпустил. За окнами, по обе стороны от виадука, по которому пролегла железная дорога, высились поросшие соснами горы. Те огромные часы словно вовсе остановились, колёса бесполезно стучали на месте, зато время умчалось далеко вперёд — не догнать.

На следующей станции в другом конце вагона устроилось шумное семейство с двумя детьми и ворчливой прабабушкой, которая жаловалась то на духоту, то на сквозняки. Ближе к полудню поезд снова остановился, но здесь их встречал только дремлющий стрелочник.

Провезли тележку со скудным выбором закусок и прохладным чаем. Теперь мимо проплывали пустые равнины, низкие холмы, узкие мосты над оврагами. Кажется, Канталуна на минутку прикрыла глаза, но время вновь играло с ней. Залитый оранжевым закатом, в окно ударил блеск стекла и камня. Поезд замедлился и въехал под арку вокзала.

Один перрон, другой, третий... Другие поезда, длинные и заполненные, прибывают и уходят. Людей вокруг больше, чем во всём их городке, и все торопятся, стучат каблуками и багажными тележками, обмениваются новостями, будто новые новости появляются каждую секунду и спешат быть рассказанными.

Канталуна не была обделена ростом. Часто ей приходилось наклонять голову, проходя под низкими вывесками или дверными проёмами, а тут она почувствовала себя десертной ложечкой в столовом сервизе: до дна тарелки не достанет, а в супнице просто утонет.

Пахло углём и горячим железом; чьими-то сладкими духами, сосиской, вафельным рожком.

— Хорошего вам дня, мадам!

Мимо в кресле провезли прабабушку. Она приветливо по-

махала Канталуне, а после обрушилась на невестку с претензиями, мол, та нарочно тащит её по кочкам. А ведь пол вокзала был из мраморных плит, гладких как зеркало.

Выдохнув, Канталуна Верлен, которая никогда не покидала свой родной город, вышла на широкий проспект. Это Лорелея мечтала о путешествиях, а она — нет, она не станет ничего разглядывать без племянницы. Шумные разносчики — пусть проходят мимо. Высокие здания, окон в которых не счесть, — стоят себе много десятилетий, пусть и дальше стоят. Рестораны, огни витрин, трамваи — не интересно.

Когда рядом с Канталуной остановился автомобиль со светящейся надписью на крыше, она сразу уселась на заднее сиденье и назвала адрес. Таксист попытался сначала фантазировать насчёт цены, он сразу узнавал неопытных гостей города... но не знал Канталуну Верлен. Когда они добрались до места, таксист получил вдвое меньше, чем рассчитывал, и даже не понял, как так вышло.

А звёзды тоже огромные, но ведь они, когда не падают, держатся на небе. Почему тогда киты не умеют летать?

В то утро, когда Канталуне Верлен пришлось много часов ехать на поезде, чтобы попасть в ближайший большой город, Лорелея Верлен проснулась за много миль от дома. Она могла бы подумать, что минувшая ночь ей лишь пригрезилась,

ведь это был даже не самый удивительный из её снов, но как быть с простынями? Такие мягкие и шёлковые на огромной постели... одеяло из облаков, подушки с вензелями, балдахин с кисточками, ночнушка с кружевными оборочками... Не то чтобы Лора мечтала о роскоши, но когда представляется шанс танцевать не только со шваброй, да ещё и в красивом платье, в каждой девушке пробуждается некая принцессовость.

Лора села на постели и прокрутила в голове последние полчаса своего вчерашнего бодрствования — в обратной хронологии. Вот она заходит в спальню и вежливо убеждает горничную — горничную! — что может раздеться сама. Сбрасывает тётушкины туфли, стягивает чулки, бежит босиком по ворсистому ковру от одного окна к другому, заглядывает в шкаф, с распущенными волосами вертится перед зеркалом в позолоченной раме...

До этого её долго вели по лестнице на третий этаж, и Лора потрогала восемнадцать балясин (потом она сбилась со счёта); в одном из пролётов она желала доброй ночи Данте и Бастьену. А перед этим, в светлой гостиной со шторами, ради которых какому-то кораблю не сшили паруса, Лоре подали стакан молока с ванильным бисквитиком. А ещё раньше в сверкающем холле их приветствовали люди в смокингах, платьях, пиджаках и ливреях.

А за две минуты до этого Лора вышла из автомобиля, и миллион тонн ночного воздуха в этом огромном городе вы-

шибли дух из лёгких.

Лора выбралась из постели. Рядом на пузатой тумбочке сиял в рассветных лучах серебряный колокольчик, но Лора не то что не потянулась к нему, даже не взглянула. Вдруг сам зазвенит? Сбегутся слуги, начнут её одевать, совать в рот зубную щётку и сооружать люстроподобную причёску. Нет-нет, Лора справилась со всем сама. Она застелила постель, нырнула в своё вчерашнее платье и чулки (о туфлях, как обычно, забыла) и тихо выскользнула из комнаты.

В коридорах было тихо. Бордовая ковровая дорожка на полу и на лестнице поглощала звуки шагов. Лора считала ступеньки и двери — вон за той, кажется, ночью скрылся Данте.

Она осторожно постучала. Потом чуть увереннее, потом коленом. Когда никто не отозвался, Лора толкнула незапертую дверь и вошла.

Эта спальня была такой же светлой и просторной. Подушки валялись на полу; из одеяла, должно быть, строили крепость, чтобы потом напасть на неё и победить. Плащ Данте вместе с остальной его одеждой висел на спинке кресла.

А сам он, облачённый в голубую пижаму, сидел за круглым столом у окна и уничтожал, судя по горе из пустой посуды, далеко не первую порцию завтрака.

— Садись. — Данте указал на соседний стул. — Есть будешь?

Не дожидаясь ответа, он затряс свой личный колокольчик.

Вероятно, в высшем обществе в звёздах никто не нуждался: тут колокольчики исполняли все желания. Не прошло и нескольких минут, как перед Лорой поставили поднос с дюжиной тарелочек. Желтоглазая яичница с хрустящими полосочками бекона, каша с яблоками и изюмом, варенье всех цветов радуги и шарики нежнейшего, сливочнейшего масла... булочки, оладушки, блинчики, маковые трубочки — Лора попробовала всё. А что она не осилила, доел Данте.

— Лучшая вещь на земле — и единственная, по которой я скучаю, когда нахожусь в бутылке, — это еда. — Тщательно изучив посуду на предмет крошек, он откинулся на спинку стула.

— В другой раз я могла бы с тобой поспорить, — ответила Лора. — Но не сейчас.

На губах остался вкус сливового мармелада, и очень хотелось их облизнуть, но Данте рассматривал её слишком пристально. Интересно, при дневном свете Лора выглядела как-то иначе? Сам Данте — немного. Утро чуть-чуть притушило блеск его волос, смягчило бледность. Растрёпанный, в пижаме, с вмятиной от подушки на одной щеке и пятнышком кофе на другой он выглядел обычным человеком.

— Данте, у меня к тебе миллион вопросов, — предупредила Лора.

— Начни с первого.

Только улыбался Данте не как человек: его глаза не сияли — оставались потухшими как перегоревшая лампочка. Но

разве это справедливо, когда у звезды не сияют глаза?

Лора тряхнула головой, прогоняя вопрос, для которого ещё не наступило время, и загнула мизинец.

— Скажи, ради этого наследства для Бастьена не пришлось устранять настоящих наследников?

— Официально настоящих наследников у лорда Локсли не было. На самом деле... только не говори Бастьену, а то зазнается. — Данте улыбнулся шире, снова только губами, и снизил голос до шёпота. — У этого старинного рода есть давным-давно отрубленная ветвь — непримиримые разногласия, лишение титула и прочие причуды... В общем, Бастьен — дальний родственник и законный наследник Локсли.

Если бы Лора умела, она бы присвистнула.

— А что случилось с Августом Вернером, про которого ты вчера рассказывал? — спросила она. — Просто мне показалось, будто люди становятся жертвами собственных желаний.

Данте медленно кивнул.

— В попытке совершить великое открытие доктор Вернер взорвался в своей лаборатории. Но я тут ни при чём.

— Теперь я волнуюсь за Бастьена. От богатства умереть легче и быстрее, чем от бедности.

— Хорошо, что ты за ним приглядываешь. Мне... — Данте запнулся. — Мне понравилось, как ты вчера пыталась его остановить.

Лора покраснела.

— Я была очень жестокой! Говорила ужасные, несправедливые вещи. Но это я у тётки подслушала. — Настал черёд Лоры шептать. — Знаешь, за ней всегда ухлёстывали какие-то проходимцы.

— Почему проходимцы? — перебил Данте.

— Ну-у... — Лора нахмурилась. — Мужчины часто проходимцы, правда ведь? Так что тётушка им отказывала, а проходимцы пугали её самоубийством. Один яд собирался пить, другой грозился утопиться. А тётя Лу всякий раз отвечала, мол, давай, невелика потеря. И представляешь, пыл их тут же угасал! Все до сих пор живы, некоторые даже...

Женились. Лора хлопнула себя по лбу. Забыв о скромности, она затрясла колокольчик и попросила у мгновенно подоспевшего (они за дверью прятались?) слуги бумагу, ручку и конверт. Дабы не смущать её, Данте удалился в смежную комнату переодеваться, но Лора всё равно не смогла сформулировать приличное письмо. Она ещё никогда не писала писем — некому было их отправлять, — и её первое в жизни послание заняло всего несколько строк.

Дорогая тётя Лу.

Пожалуйста, прости за беспорядок и разбитые бутылки! Я не сбежала из дома, а отправилась в путешествие. Не волнуйся за меня, я с друзьями, со мной всё хорошо. Скоро вернусь домой.

Люблю тебя и крепко обнимаю. Твоя Лорелея.

Вроде не так уж плохо...

— Только отправьте письмо с самой быстрой почтой, — попросила Лора, прижимая ладони к разгорячённым щекам.

Не то ураган тётушкиного беспокойства преодолееет и суши, и воду, и крепкие стены этого дома.

— Если бы я мог исполнять собственные желания, твоя тётя уже держала бы конверт в руках.

Данте вернулся на место напротив.

— Ты не можешь? — спросила Лора. — Даже самое маленькое волшебство?

— Мои силы привязаны к бутылке, а бутылка принадлежит... тому, кому принадлежит.

Его голос звучал особенно бесцветно на фоне яркого плаща, которым Данте вновь накрыл плечи. Лора не могла слышать ни обиды, ни горечи, но с каждым таким пепельно-серым словом сердце её сжималось сильнее. После следующего вопроса — она точно знала — станет хуже.

— А когда твои загадыватели желаний, — Лора сознательно избегала слова «хозяин», — умирают? От старости или от последствий своих же желаний?

— Я возвращаюсь в бутылку, пока кто-нибудь снова её не откроет.

— Или не разобьёт?

— Или не разобьёт.

Пока не случился Бастьен, Данте провёл в бутылке сорок лет. Был ли это самый долгий период? Лора боялась спрашивать.

— Это не так страшно. — С улыбкой такого же оттенка, как голос, Данте потянулся к её руке, но передумал и скомкал в кулаке салфетку. — Я не ощущаю ни время, ни себя... Только еды страшно не хватает. Может, повторим завтрак?

Лора мотнула головой.

— Почему для Бастьена осталось только девятнадцать желаний? Вернее, уже... — Лора загнула пальцы. — Четырнадцать.

— Потому что мои силы не бесконечны.

— А что будет, когда они совсем закончатся?

Из миллиона вопросов конкретно этот Лора задавала уже в третий раз, и сейчас Данте как будто даже собирался ответить, но в дверь снова постучали.

Неужели здешние слуги умели читать мысли? Неужели кто-то догадался, что Данте не прочь угоститься четвёртой порцией каши?

Однако всё тот же услужливый парень, который пообещал быстро отправить письмо, вернулся не с новым подносом, а с запиской.

— От господина Клеру, — доложил он.

Лора развернула послание от Бастьена, которое оказалось ещё короче её письма тётушке. Единственное слово в нём гласило: «Помогите».

Глава 3 — в которой Лора не загадывает желание

А с Бастьеном Клеру случилось страшное. Молодого человека, который вырос в небольшом приморском городке, в последний раз складывал трёхзначные числа в школе, а свою подпись на важных бумагах ставил... никогда, заставили быть наследником: новым владельцем судоходной компании, особняка в центре столицы, многочисленных земельных владений и общего состояния в два миллиона фунтов.

— Сколько?

— Два миллиона, сэр. — Вчерашний Важный Господин, он же секретарь, которого звали Бенджамин Блюм, производил эти невообразимые цифры без малейшего трепета. — Ваши активы включают десять океанских судов, три десятка грузовых пароходов, портовые склады и контракты с колониями. Годовой доход компании составляет примерно сто тысяч фунтов. Это две тысячи в неделю.

Бастьен сглотнул.

Вчетвером они шли по длинной галерее. Ковровая дорожка мягко глушила шаги, зато эхо изумлённых возгласов вилолось по мраморным колоннам аж до потолка. На стенах, между охотничьими гобеленами и горшками с декоративными лимонными деревцами, висели портреты.

Жители старых холстов и позолоченных рам, великие мужчины Локсли пристально следили за последним представителем своего рода. А Бастьен Клеру чесал непривычно гладкий подбородок и, раз уж не позволили надеть на голову, вместо щита прижимал к груди свою шляпу.

Мистер Блюм нависал над ним карающим мечом.

— Сэр Годфри Уиндем Локсли, — торжественно провозгласил он, указав на рыцаря в латах с гербовым щитом. Художнику понадобилось много серой и белой краски, чтобы передать блеск доспехов барона, его щита и топора. — А это — полковник Арчибальд Локсли. Его младшая дочь тайно обвенчалась с неким... Морисом Клеру и сбежала на материк.

В паузе, как бы тактично секретарь её ни промолчал, Лора угадала слово «проходимец». Так тётушка называла мужчин, которые дурили головы девушкам и тащили их — в лучшем случае — под венец. Лора задержалась у портрета сурового полковника: посчитала пуговицы на его красном мундире, восхитилась закрученными усами и похихикала над белыми гетрами, уж больно напоминавшими женские чулки.

— Тоже с кем-то воевал, — шепнула она Данте, кивнув на мушкет со штыком. — И тот генерал-майор Локсли, в мундире и с саблей. И адмирал Ричард Локсли тоже... как эта штука называется?

— Рапира, — ответил Данте. — Смотри, у лорда Альберта только трость.

Бастьен, который не особенно прилежно запоминал своих предков, зыркнул в их сторону. В его хмуром взгляде ясно читалось: «мы так не договаривались» и чуть-чуть «это вы во всё виноваты».

Экскурсия закончилась у портрета на торцевой стене.

— Лорд Эдвард Локсли, ваш троюродный дедушка!

Щурясь от южного солнца, дулом винтовки приподняв пробковый шлем, молодой лорд Эдвард взирал на наследника, с которым никогда не встречался (и уже не встретится) с родительским благословением. Его светлый хлопковый костюм сливался с сухой охристой землёй и белёсым от жары небом. Яркими пятнами выделялись плоские кроны акаций и громадный оранжевый лев, который растянулся у ног Эдварда Локсли в позе послушной собаки.

— Он мне нравится, — протянул Бастьен.

— Вы бы тоже ему понравились, сэр, — вежливо ответил Бенджамин Блум и вернулся к Важным Дела́м. — Вам нужно утвердить расходы на ремонт парохода Кассиопея и продлить страховку для межконтинентальных рейсов. А также подготовиться к торжественному приёму в честь вашего вступления в наследство, который состоится сегодня вечером. Приглашения были разосланы на рассвете, и мы уже получили небывалое количество положительных ответов. Понимаю, сэр, что это слишком скоро...

Вопреки опасениям секретаря Бастьен оживился.

— Приём? — Он с трудом разорвал зрительный контакт

с нарисованным львом. — Музыка, веселье, шампанское?
— Полезные знакомства, светские беседы, танцы.

Неизвестно, какая из перечисленных обязанностей смутила Бастьена сильнее, — секретарь решил не выяснять. Он пообещал прислать портного и отправился раздавать распоряжения тем, кто понимал их с первого раза.

Ненадолго стало тихо. Мысли, разные мысли клубились в воздухе вместе с пылью.

Данте считал время до обеда и маленькие круглые пуговицы на манжетах Лоры — их было всего две, как и рукавов, как и рук, но он зачем-то считал. Бастьен выбирал, какое желание загадать следующим: вмиг выучить всю родословную, разобраться в финансовых делах или же освоить приличные танцы. Лора представляла, как выглядит портной и можно ли считать его волшебником. До сегодняшнего дня все платья доставались ей готовыми, поэтому о человеке с измерительной лентой и булавками, который превращал скучный отрез ткани в многослойный наряд, она без трепета думать не могла.

— Танцы, — наконец протянул Бастьен.

Сэр Годфри из-под забрала своего шлема глянул на прапрапра-и-так-далее-внука явно неодобрительно. Лучше бы выбрал меч и копьё!

— Я тебя научу! — выпалила Лора.

— Но...

— С чего начнём? Вальс! Раз-два-три, раз-два-три...

Только не загадывай желание!

Заведённой юлой докружившись до Бастьена, Лора повернула его лицом к себе. Любопытные предки застыли в своих рамах ещё неподвижнее, чем раньше.

— Тут даже музыки нет. — Бастьен скривился. — И настроение у меня совсем не танцевальное. Вообще-то, сегодня самый ужасный день в моей жизни, я собирался провести его в беспамятстве.

— Нет-нет, сегодня другой день, — ответила Лора.

— Какой это?

— Пятница. Не веришь, посмотри в календаре или спроси у секретаря.

Кажется, у неё за спиной раздался короткий смешок. Не обернувшись, Лора продолжала:

— И у тебя есть три варианта, как провести эту пятницу. Ты можешь жалеть себя. — Лора загнула мизинец. — Или злиться на других. — Безымянный и средний пальцы. — А можешь положить правую ладонь мне на талию. Выбирай.

Бастьен нехотя сделал шаг навстречу. С одобрительным кивком — так тётя Лу наблюдала за работой посудомойщика в трактире — Лора потянулась к его плечам и развернула их чуть-чуть назад. Легонько сжала кисти рук, одну завела себе за спину (пришлось подойти) и установила на три дюйма выше поясицы.

— Это не талия, — хмыкнул Бастьен.

Он был выше на полторы головы. Стоя так близко, Лора

видела только воротник новой белой рубашки. Его вторую руку она за край рукава подняла вверх.

— Сложи ладонь так, будто в ней сидит голубь, — велела она. — Не цыплёнок, а голубь — такой нахохлившийся, с распушённым хвостом. И не сжимай, он ведь хрупкий. Вот... примерно так.

Лора вложила свою руку в его, проверила угол сгиба локтя. Отклонилась назад и подняла голову. При дневном свете на носу Бастьена обнаружились веснушки, а на гладковобритом подбородке — ямочка. Его глаза оказались зелёными, сейчас это был тёмный оттенок листвы после дождя.

— Раз-два-три, — напомнила Лора. — Когда я начну считать, делай шаг правой ногой, потом левой, правой и... пауза для вдоха. Готов?

Кивнуть Бастьен не мог — его шея и плечи окаменели. А ответить он не успел: помешало (или спасло?) сдержанное покашливание.

В противоположном конце галереи появилась худосочная женщина в тёмном, тесном, колющем платье с удушливым воротником. Если она и сочла танцевальные экзерсисы неподобающим поведением — а судя по количеству шпилек в седых волосах и поджатым губам она сочла, — то виду не подала, только произнесла чопорно:

— Ванна для мисс готова.

И в воздухе закружились воображаемые пузырьки.

Лора не сразу догадалась, что «мисс» — это про неё. Ак-

куратно освободившись из стальных объятий, она сделала несколько танцевальных шажочков к выходу.

— Для меня? Целая ванна?

— Да, мисс. — Женщина посторонилась.

— Но у меня нет с собой специального шампуня для очень длинных и тонких волос, который тётя Лу специально заказывает... — Лора закусила губу.

— Мы найдём для вас другой шампунь, мисс.

Другой шампунь! Это всё равно, что заставить чайку ку-карекать или фокусника — достать из шляпы вместо кролика утюг. Или перекрасить радугу в серый цвет. С другой стороны... наверняка бывают шампуни не тёмно-фиолетовые и вязкие, с запахом можжевельника, дымного древесного угля и ржавых гвоздей, а какие-нибудь... розовые.

Когда шаги Лоры стихли, Бастьен догадался, что танцы отменяются и руки можно опустить. Повисло молчание — неловкое, как крок-месье без начинки. Очевидно, что связующим *сыром* в их разношёрстной компании была Лора, а без неё два сухих куска хлеба не умели друг с другом взаимодействовать.

— Она такая... — наконец пробормотал Бастьен себе под нос.

— Забавная?

— Странная. Странная... Кстати, о странностях! Почему здесь никто ничему не удивляется? Со мной дело ясное, я,

ххм, вроде как наследник. Но для вас двоих мы даже легенду не придумали. А где это видано в высшем обществе, чтобы юная незамужняя леди гостила в доме постороннего мужчины?

Бастьен потряс головой, чтобы вернуть волосам привычный рыжий беспорядок. Потом стянул узкий пиджак, расстегнул манжеты, закатал рукава и сразу задышал свободнее.

— Это побочный эффект волшебства, — ответил Данте. — В него трудно поверить, и когда случается что-нибудь удивительное, люди сами придумывают объяснение. А потом их память вовсе вытесняет, замещает, вписывает в рамки нормальности.

Вероятно, в этот момент каждый подумал о Лоре, которая видела волшебство даже там, где его не было, но вслух никто не признался. Данте оттолкнулся от gobelena, прошёлся вдоль стены — потрогал рамы, глиняные вазы, бронзовые бра — и остановился за левым плечом Бастьена.

— Может, загадаешь желание? — спросил он как бы безучастно. — Могу за секунду научить тебя танцевать и различать столовые приборы. Хочешь приумножить своё богатство? Способность пить сколько влезет и не страдать от похмелья? А может, пожелаешь стереть свою память и чувства?

Бастьен хмыкнул.

— Вчера я был пьяным и дурным, — заявил он самонадеянно. — Бездумно столько желаний потратил. Сегодня ты меня не проведёшь, знаю я эти ваши уловки.

— Уловки? — Данте насупился. — Вот так сидишь столетиями в бутылке, ведёшь себя как добросовестная звезда, а потом...

Его перебил оглушительный, сотрясающий стены визг.

Что может приключиться с человеком, который принимает ванну? Первое и самое логичное предположение: его пытаются утопить. С такой мыслью, не сговариваясь, Бастьен и Данте помчались в спальню Лоры. Они колотили в дверь, пока та не распахнулась, явив испуганную молоденькую горничную. Её руки были измазаны чем-то чёрным и липким, так же плачевно выглядел кружевной белый фартук.

— Сюда нельзя! — Девушка топнула, сдула со лба чёлку с кусками грязно-серой мыльной пены и с грохотом захлопнула дверь.

День строился как замок из песка. Волны размывали его фундамент, приносили ракушки и бурые водоросли; крабы оставляли следы клешней. Прошёл дождь, ветер расшатал опоры, но этажи наслаивались, и замок стоял.

После того, как чёрная мыльная пена захватила ванную комнату, Лоре трудно было различать и чувствовать цвета. Она отказалась от обеда. Не запомнила, как выглядел портной, не уловила ни крупницы волшебства в его движениях — только целый час смиренно стояла на круглом пуфике, крутилась, поднимала руки и позволяла тыкать себя булавками.

Лора не дала сделать себе подобающую для приёма при-

чёску. Она отвергла жемчужные нити, ленты, живые цветы и парикмахера, который причёсывал саму королеву. Когда в окна постучал закат — он тоже показался Лоре тусклым и серым, — её наконец оставили в покое. Одна, в гнетущей тишине, Лора стояла перед огромным зеркалом.

Из отражения на неё смотрел кто-то незнакомый, непривычно печальный. На фоне платья из тончайшего дымчатого-голубого сатина глаза казались совсем потухшими. Полупрозрачный бант за спиной задумывался похожим на крылья, а невесомая шифоновая юбка напоминала раздутый парашют, но Лора ещё никогда не чувствовала себя такой тяжёлой. Больше всего её огорчали бежевые туфельки, такие непривычно маленькие, что даже не пришлось подкладывать свёрнутый чулок.

На левом запястье Лоры висела расшитая каплевидная сумочка. В правой руке она сжимала ножницы. Потребовалось много минут и глубоких вдохов, прежде чем Лора осмелилась поднести ножницы к лицу и защемить между лезвиями прядь волос.

Прядь блестящих, белых волос.

Белых как барашки волн, как взбитые сливки, белых как правда.

Лора крепко зажмурилась и сжала пальцы. Послышалось заветное *фшшшшрр*, о котором так долго мечтала тётушка. Отрезанные волоски упали на ковёр, а короткая прядь у лица закрутилась как раковина моллюска.

— Вот так, — сообщила Лора отражению, к которому ей ещё долго придётся привыкать.

Как только волосам вернули их настоящий цвет, они позволили себя стричь. Все эти годы они просто бунтовали против обмана, но почему, почему?..

Запереться бы на ключ и провести вечер наедине со своими вопросами, поискать ответы в памяти, тайных мечтах и забытых снах, но безжалостный управляющий передал Лоре, что мистер Клеру ожидает её в бальном зале для урока танцев. Что ж...

Оказалось, что тишина затаилась только в её спальне — весь остальной дом суетился в ожидании почётных гостей. Слуги — как много их было! — носили подносы, двигали мебель, заполняли большие напольные вазы розами, белыми и красными. В холле появились высокие треножные столики с гостевыми книгами и шкатулками для визитных карточек. Из столовой доносился аромат закусок, в серебряных ведёрках для шампанского хрустели кубики льда... В зимнем саду зажигались фонари и журчали фонтанчики.

А в бальном зале настраивал инструменты струнный квартет.

Лора вошла и остановилась под сверкающей люстрой из тысячи хрустальных подвесок, в надежде, что на фоне светлых стен её не заметят. Тётя Лу всегда говорила, что мужчины крайне невнимательны: они не способны замечать какие-либо перемены во внешности женщины, разве что эта

женщина потолстеет на сотню фунтов или наденет на голову мешок.

Вероятно, превращение угля в снег сравнимо с таким вот мешком.

Бастьен отлепил плечо от стены, к которой привалился, и не донёс до рта шампанское. Бездумно сунув бокал скрипачу, он двинулся Лоре навстречу.

— Добрый вечер, Бастьен, — пропела Лора. — Смею заметить, что этот фрак тебе очень идёт, а зелёная бабочка...

— Что они с тобой сделали?

Бастьен остановился в полушаге и уставился на неё пристальнее, чем вчера на появившегося из бутылки Данте, хотя звезда была всяко диковиннее.

— Мне мылили волосы шесть раз. — Лора пожала плечами, мол, что в этом такого.

— Они были настолько грязные?

— Насколько ненастоящие.

— А теперь цвет как у Данте.

Бастьен недоверчиво подцепил тонкую прядь, поднёс её к глазам, потом к носу.

— Такое вот удивительное совпадение. — И Лора пожала плечами ещё раз.

Трепыхнулся за спиной бант. Качнулись, отразив свет, расшитые бисером рукава-фонарики. Бастьен сощурился и отступил на шаг.

— Выглядишь, — он кашлянул. — Нормально.

Лора присела в книксене.

— Продолжим? — спросила она обречённо. — Хотя сегодня самый ужасный день в моей жизни, и мне хотелось бы провести его под тремя одеялами.

— Сегодня пятница, — напомнил Бастьен. — Вальс-шмальс — пфф! Теперь я буду учить тебя танцевать.

Он подскочил к музыкантам и принялся им что-то объяснять, энергично жестикулируя. Когда все четверо понимающе кивнули, Бастьен вернулся к Лоре. Не жалея бабочку, он оттянул воротник и вроде бы даже чуть-чуть улыбнулся.

— Раскрой руки так, будто доверяешь мне, — прозвучал первый урок. — Эта моя правая ладонь ляжет, естественно, тебе на талию. *Вот и она.* Левая... к чёрту голубей! Тут надо пальцы не сломать, остальное — неважные мелочи.

Скрипка запиликала джигу, за ней вступил альт. Смычки летали с такой скоростью — туда-сюда, туда-сюда, — что у Лоры закружилась голова. Она не успела начать считать, как Бастьен подхватил её и завертел волчком.

Камень превратился в мельницу: позвоночник — в пружину, суставы — в расшатанные шарниры. Словно на ногах Бастьена вместо ботинок были лыжи, он одновременно скользил и прыгал на какие-то невообразимые расстояния.

Они врезались в виолончелиста.

Чуть не перевернули вазу.

Пару раз стукнулись лбами.

Каким-то чудом новые туфельки Лоры остались целы.

Пальцы тоже, но если бы Бастьен в самом деле сжимал в руке голубя, тот бы давно перестал дышать.

Что-то помимо неуклюжести партнёра сбивало с ритма, и лишь в наступившей тишине Лора поняла, что смеётся. А слёзы на щеках так и не заметила.

Бастьен отпустил её и нахмурился. Возможно, вспоминал другие танцы, которые... думал, что умеет, но через секунду он воскликнул на весь зал:

— Где этот джинн?

— Звезда, — мягко поправила Лора.

— Я здесь.

Они синхронно — куда синхроннее, чем в шагах и поворотах — обернулись: Данте стоял в дверном проёме и наблюдал, казалось, без всякого интереса.

Лора тоже весьма равнодушно отметила разворот его плеч, заново обрисованный бледно-лавандовым фраком. И отражение во взгляде — хрустальных подвесок, огоньков и чего-то ещё... едва уловимого, сумеречного, безбрежного. Плащ Данте не надел, но тысяча закатов и рассветов, из которых тот был соткан, стали тенью его ресниц.

— Пойдём, — Бастьен выдернул Лору из сна наяву. — Я хочу загадать желание.

— Но...

— Сейчас помолчи, прошу тебя.

Данте безучастно ждал, пока они подойдут. Только на всякий случай спрятал за спину шоколадный эклер, который так

и не успел надкусить.

— Хочу загадать желание, — повторил Бастьен и не слишком бережно толкнул Лору вперёд.

— А ведь я уже давно предлагал. — Данте улыбнулся. — Что угодно получить господину? Музыкальный слух, координацию, чувство ритма... правую и левую ноги вместо, кхм, двух левых?

Перечисляя, Данте рассеянно пересчитывал пуговицы на рубашке — так пианист касается клавиш. Невидимые молоточки стучали по воображаемым струнам, и хотя струнный квартет молчал, Лора слышала музыку. Она даже не сразу осознала...

— Исполни то, что хочет она. — Бастьен ещё чуть-чуть её подтолкнул. — Любое желание, прямо сейчас. Вот что я загадываю.

Всё растворилось. Остались только Лора и Данте, а между ними — расстояние в четверть шага и что-то невысказанное. Лора не дышала.

— Загадывай. — Данте не кивнул, только моргнул. Тень его ресниц удлинилась, оторвалась, взлетела и легла на плечи другим плащом, сотканным из тысячи взглядов украдкой и тайных грёз.

— Я... — Лора мотнула головой. — Я не хочу.

Данте дышал болезненно часто, но бесшумно. Он не удивился, но переспросил:

— Не хочешь?

— Нет. Это значило бы влиять на чьи-то чувства и решения, а правила я теперь запомнила. К тому же... — В груди кольнуло. — Я не хочу.

И хотя секунду назад казалось, что для шагов не осталось места, Данте стал ещё ближе.

— Каким было твоё желание? — спросил он. — Просто расскажи, ради чего ты купила бутылку.

Произнести вслух? Прежде никогда.

Лора зажмурилась.

— Я хотела пожелать, — шепнула она, — чтобы мой отец вернулся за мной.

Один удар сердца, другой. Вдруг стало очень тепло. Не открывая глаз, Лора чувствовала, как Данте собирает слёзы — вот теперь она их заметила — на её щеках.

— Это желание я не смог бы исполнить, — раздался сквозь мерцающую солёную темноту его голос. — Потому что кто-то другой, задолго до сегодняшнего дня, пожелал, чтобы этого никогда не случилось.

От племянницы Канталуну Верлен отделяли много миль суши и полоса пролива. Она не могла почувствовать ни желание, которое не загадали, ни причину, по которой оно не может быть исполнено. Но именно в тот момент Канталуна преодолела нерешительность и толкнула дверь.

Снаружи это было старое здание в не самом оживлённом квартале города. Внутри оно как пчелиный улей состояло из отдельных сот, которые владельцы переделали под свои нужды. На первом этаже было всего три двери. Слева бюро на-ходок: часы работы с восьми до четырёх по понедельникам, средам и пятницам. Табличка на двери справа обещала путеше-ствие — быстрое и по доступной цене — в любую точку земного шара.

За стеклянной дверью в центре, прямо напротив входа, горел свет. Канталуна смотрела на выгравированные бук-вы, которые никак не складывались в слова. Проклятье! Она ведь умела читать, иначе вряд ли её пригласил бы на свида-ние Анри, библиотекарь... Канталуна выдохнула. Наверное, она просто не могла поверить, что на вывеске и правда было написано: «Карты и атласы — Э. Дюваль».

Эта дверь была страшнее предыдущей, а со своими стра-хами Канталуна Верлен боролась радикально. Она вошла, не постучав.

Свет внутри только казался ярким на фоне фиолетовых вечерних окон, на самом деле горела одна настольная лампа. Первым делом Канталуна отметила царивший в мастерской беспорядок. Здесь редко проветривали: пахло старой бума-гой, пылью и табаком. Угол под потолком захватила паутина. На стенах огромные карты морей, гор и звёздного неба ви-сели криво; длинные столы были завалены свёрнутыми ру-лонами — теми, что не поместились на полки вдоль стен. В

довершение всего, на воротнике самого картографа темнело застиранное чернильное пятно.

Он поднял голову от чертежа. Расправил рукава пиджака — безусловно, с торчащими локтями, разве можно так с шерстью? — и отложил рейсфедер. В тёмных глазах не промелькнуло ни удивления, ни узнавания. Конечно, столько лет прошло, вряд ли он узнает.

— Здравствуй, Лу.

— Здравствуй, Эрик.

Он отпустил бороду, тоже белоснежную, но всё равно выглядел на сорок. И сейчас, и тогда.

— Не думала, что ты всё ещё здесь. — Канталуна отыскала свой голос и прошла вглубь мастерской — не навстречу Эрику, а к стене, где на декоративных деревянных подставках выстроились в ряд глобусы разных размеров. Они стояли вразнобой, не от самого большого к самому маленькому, и Канталуна едва удержалась, чтобы не начать их переставлять.

— Я ведь написал, что буду ждать, — ответил Эрик.

Холодный свет лампы посеребрил его белые волосы, на миг плеснув в них седины, сделав его старше на те семнадцать лет.

— Прошло семнадцать лет.

— Разве это много?

Нет, показалось.

— А ты, — Канталуна осмотрелась, — стало быть, карты

рисуешь?

— Карты. Неба, земли — от Северного полюса и до Южного, от дня её создания и до сегодняшнего. Почему ты здесь?

— Конечно, ты застал Землю в разные времена и наблюдал за ней оттуда.

— Почему ты здесь, Лу?

Эрик остановился напротив, с противоположной стороны глобуса. Будто целый земной шар разделял их.

— Что ж, нет времени приукрашать и щадить чувства. — Канталуна Верлен вспомнила, что в её присутствии каждый житель родного городка ходил по струночке. Её волосы серебро ещё не тронуло, зато сталь — в голосе и взгляде — была всегда. — И сольды больше нет, уже очень давно. Твоё письмо опоздало на день.

— Я знаю. — Эрик даже не дрогнул.

— Знаешь?

— Я почувствовал, как мир без неё опустел.

— И всё равно ты здесь?

— Написал ведь, что буду ждать.

Он уже говорил.

Перед тем, как продолжить, Канталуна прикрыла глаза — совсем как Лорелея пять минут назад. Сознательно и нет, обе в этот момент возвращались в одно и то же прошлое.

— Возможно, кое-чего ты всё-таки не знаешь. — Канталуна вновь посмотрела на Эрика и с облегчением нашла под

его левым глазом одну новую морщинку. — Моей сестры не стало, когда... в общем, у тебя есть дочь. Лора, Лорелея... — Вот и удивление, но Канталуна не дала ему возможности оправиться. — Все эти годы я пыталась защитить её, оградить от этого вашего сверхъестественного. Думала, что получается, но я не справилась. Лора исчезла, наверняка попала в беду. И ты должен помочь мне её найти.

Глава 4 — в которой появляются и исчезают всякие титулованные особы

До того, как прозвучало *имя*, вечер проходил по всем принятым канонам.

Лора их, конечно, не знала, но угадывала по улыбке Бенджамина Блюма, что тот всем доволен. Сама она едва успевала подглядывать через окно, как к крыльцу — один длиннее и блестящее другого — подъезжали автомобили. Из них выходили галантные, красивые, ну или просто жутко богатые джентльмены в высоких шляпах-цилиндрах и фраках с длинными, как хвост ласточки, фалдами. В одной руке почти каждый джентльмен держал трость (горничная Мари нашептала Лоре, что по набалдашнику можно судить о статусе и богатстве), под другой он вёл свою даму. Ох, что это были за дамы! Задрапированные в шелка и легчайшую органзу, сверкающие украшениями, они переплывали улицу, скользили точно лебеди по зеркальной глади пруда. Часто за господином и дамой следовала молоденькая девушка в своём лучшем платье. Другая горничная, Люси, нашептала, что все они — потенциальные невесты господина Бастьена, ради смотрин которых весь этот приём и затевался.

Когда швейцар распахивал двери и дворецкий объявлял

имя — другое имя, которое Лора не запоминала, — она бежала от окна ко входу в зал, где Бастьен под присмотром Важного Господина Блюма жал или целовал руки. Дальше гости угощались тарталетками и шампанским, а новый хозяин дома терпеливо ждал следующих и лишь изредка бросал тоскливые взгляды на бокалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.